

ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА

Качина-Малешка

18+

Роман

Распутать колтун
и не стать Кикиморой

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Роман поколения

Евгения Некрасова
Калечина-Малечина

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

Некрасова Е. И.

Калечина-Малечина / Е. И. Некрасова — «Издательство АСТ»,
2018 — (Роман поколения)

ISBN 978-5-17-110425-2

Евгения Некрасова – писательница, сценаристка. Её цикл прозы «Несчастливая Москва» удостоен премии «Лицей». В романе «Калечина-Малечина», как и во всей прозе Некрасовой, фольклорные и фантастические мотивы уживаются с современностью. Девочка Катя живёт с родителями в маленьком городе на 11 этаже обычного панельного дома. Миру вокруг Катя не нужна: «невыросшие» дразнят, а у «выросших» нет на неё сил и времени. И Катя находит для себя выход. Но тут вмешивается Кикимора, живущая за плитой на кухне. Вместе они отправляются в опасное путешествие, и невольно превосходят по жестокости тех, кто калечил их. Роман “Калечина-Малечина” попал в короткие списки премий “НОС”, “Национальный бестселлер” и “Большая книга”. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110425-2

© Некрасова Е. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Евгения Некрасова Калечина-Малечина

*Where are those angels
When you need them?
Tori Amos "Crucify"*

Глава первая

Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится – так себе считалка, но Катя всегда повторяла её, чтобы переждать что-то плохое. Мама стояла за спиной и расчёсывала Катины серые волосы. Катя сидела на табурете, в пижаме, на пижаме – цыплёнок с сачком, в сачке – червь. Катино запястье сжимала резинка для волос, которая нужна была для закрепления косы. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. Расчёсывание – это как убивание. Каждый раз, когда гребень тащился по Катиным волосам, ей казалось, что кожа на голове сейчас повывернется пучками. От расчёсывания и тугой косы болела башка. Катя иногда думала рассказать об этом, но мама повторяла, что длинные волосы – очень женственное украшение. Четыре месяца назад Катя увидела на улице девочку без волос. Её, как и Катю, вела за руку мама. Девочка несла свою лысину как корону и вся была очень хрупкая и красивая. Катя сказала маме, что хочет такую причёску. Мама испугалась, протащила Катю за руку дальше и тихо прокричала, что Катя не должна хотеть быть как эта девочка, потому что та сильно болеет и скоро умрёт.

– Ой-ой! – это Катя всё же заойкала от расчёсывания.

– Не придумывай! – так мама всегда отвечала, когда Катя ей на что-то жаловалась.

Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. За стеной стреляли в телевизоре. В чёрном окне отражалось то, как Катя ёрзала на табурете, то, как расчёсывала мама, то, как стояли плита, шкафы, холодильник, стол, цветы и кактусы. За окном творилось известно что: бесились снежинки, а дом возвышался ещё одним, двенадцатым этажом, дальше были крыша, телевизионная антенна и тёмное небо. Иногда в нём мигал огонёк и освещалось брюхо пролетающего самолёта. Внизу – высокий столбик этажей, козырёк подъезда и заваленный машинами вперемешку со снегом двор. Посередине двора торчала трансформаторная будка с нарисованными словами. Правее – закрытое снегом асфальтовое поле с примёрзшими футбольными воротами, а дальше – лазанки, похожие на скелеты чудовищ. Ветер выл и смешно стучался о развёрнутые друг к другу многоэтажки. По двору наискосок бежала трусцой бездомная собака. Ускоряясь к углу, она выскочила в промежуток между домами и кинулась на кого-то с лаем. Так всегда делала всякая собака в этом дворе.

– И чего ты искрутилась вся?! – мама наконец перестала расчёсывать.

Катя обмякла на стуле, и тапки достали пол. В коридоре застучали тяжёлые шаги, остановились совсем близко у кухни, щёлкнул свет, дверь проныла, раздалось журчание. Катя видела в отражении мамины руки. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три. Походило на вальс, который в Катином классе был принят на переменах. Вероника Евгеньевна, классная, пугалась, что из детей, особенно девочек, интернет и прочие дурные придумки вытащат всю женственность и культуру, поэтому она, классная, учила их всему старому и правильному. Водопаднул слив, снова щёлкнул свет, и шаги ушли. Катя катится... Хоть мама и стягивала туго, косооплетение было просто тьфу по сравнению с расчёсыванием, терпимо. Нечестно было то, что из целой копны Катиных волос коса получалась скромная, сильно худеющая к кончику и жёсткая, будто деревянная. Зато такая держалась ночь и половину следующего дня. Мама и папа путешествовали на работу в другой, распухший от улиц, домов, людей, – город. Папа выезжал каждое утро на четыре (по расписанию) электрички раньше маминой. Когда Катя выходила в школу, мама проезжала уже одиннадцатую остановку от их домашней. Они не успевали заплетаться перед школой, поэтому делали косу на ночь. Мама будила Катю перед выходом поцелуем. Иногда невыросшая просыпалась раньше от того, что папа произносил: «Буди её, нечего ей так долго спать». Но мама целовала её именно перед выходом.

Катя гордилась своей самостоятельностью: сама завтракает (разогревает в микроволновке приготовленную мамой яичницу и заваривает чайный пакет водой из электрического

чайника), сама одевается, сама идёт в школу, сама приходит домой. Её телефон походил на пятнашки: кнопочный, без интернета, камеры и прочего. Папа говорил: «Зачем ей дорогой мобильник, она его потеряет или сломает». И Катя писала маме в сообщениях: «Позавтракала», «Пришла в школу», «Пришла домой». Мама отвечала: «Молодец». Выкрутасы выходили только с обедом. Катя была неуклюжая – что-то разрушала, что-то забывала. Поэтому ей запрещалось пользоваться плитой. Ведь если оставить её случайно включенной или вывернуть конфорки, то можно было задохнуться от газа или даже взорвать дом. А после всего этого попасть в ад. Про него очень подробно рассказывала Вероника Евгеньевна. Там постоянно больно, всегда страшно и жарко, туда попадали все убийцы, кроме тех, кто убивал своих врагов на войне. В итоге Катя ела бутерброд с розовой колбасой или разогревала в микроволновке уже существующую еду, если находила её в холодильнике.

Раньше обед Кате готовила бабушка, которая приезжала к ним каждый день по будням. Она жила на даче, на четыре станции в противоположную сторону от гулливерского города. Бабушка – с короткой стрижкой и маленькими кулачками – походила внешне на упрямого мальчика. Она готовила еду, которую трудно было себе представить, например, молочный суп с макаронами. Кате виделось, что она ест жёлтых червяков в молоке. Они качали слепыми своими головами над заковавшей их белой пенкой. Если бабушка задерживалась на полдник, она делала очень полезное и кислое яблочное пюре. Катя тайно запихивала себе под язык кусок сахара, чтобы пережить эту кислоту. Если бабушка обнаруживала это мухлевание, она таскала Катю за уши: внучке нельзя было сладкое из-за диатеза. Уши потом были красные и стучали. Бабушка не разрешала Кате смотреть в телевизор, чтобы не портить глаза. Невыросшая любила телевизор, он помогал забыть всё вокруг. Но после школы его запрещала бабушка, а по вечерам и по выходным его занимал папа – ложился на диван, обнимал пульт ладонью и переключал каналы так, словно гонялся за кем-то.

С бабушкой иногда было весело. Она учила Катю играть в карточного дурака дома или в бадминтон во дворе. Правда, скоро Катю там засмеяли другие невыросшие, что она играет с бабушкой, и они перестали выходить на улицу с ракетками. А потом бабушка умерла от напавшей на неё болезни, полежала немного в своём доме в гробу на табуретках. Одну из них увезли потом домой, и теперь на ней сидела Катя, когда мама плела ей косу. Катя запомнила, что бабушка в гробу не походила больше на мальчика, а выглядела обычной сухой старушкой. Бабушку сожгли и сложили в урну, а урну отдали в далёкое место, по названию похожее на Колумба. Катя с тех пор очень скучала по ней, заново не приучилась смотреть телевизор и иногда хотела червяков в молоке.

– Тьфу ты! – это мама уже заплела Кате косу, зашла спереди и увидела кучу петухов на её голове.

Мама стащила резинку с крысиного хвостика в окончании Катиной косы. Танцами рук расплела и принялась расчёсывать снова. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. За стеной прорезался храп.

Уже после смерти бабушки в доме поселился компьютер. Кате он понравился за похожесть на телевизор и множество кнопок. Отец считал, что компьютер может вырастить из Кати плохого человека, а сама Катя может компьютер покалечить. Такие взаимные вредины. Поэтому пользоваться компьютером Кате запрещалось, но на всякий случай его защитили от невыросшей паролем. Обычно он скучал и пылился, на нём иногда раскладывала карты мама и печатал отец. Кате разрешалось пользоваться им в какой-нибудь выходной только под присмотром взрослого, отец обычно громко говорил: «Не бей там по клавишам!», «Ты вообще соображаешь, куда ты жмёшь?!», «Совсем того, да?!» и прочее такое, от чего Катя совсем терялась. Вскоре она разлюбила компьютер совсем и не просилась за него.

– Готово! – это мама закончила плести косу.

Катя слезла со стула, осторожно пробралась к себе в комнату, закрыла дверь и аккуратно улеглась. Коса упала рядом. Часть двери занимало матовое стекло, через него заливался свет и слабо освещал комнату. Катя всегда находилась под его присмотром. Глаза сами закрывались, но не хотелось засыпать сразу. Ночь – самое хорошее и интересное Катино время. Ничего не приходилось делать или притворяться, что делаешь. Ласковое свободное одиночество. Хочешь – улыбайся, хочешь – трогай себя, хочешь – думай что хочешь, хочешь – представляй, как водные разводы на потолке превращаются то во дворец, то в голого человека, то в ботинок. Время после возвращения из школы до вечера тоже было неплохое: безлюдное и вольное, – но давил страх перед проверкой дневника, в котором иногда плавали лебеди или звенели тройки. Сначала, около шести тридцати, приезжала усталая мама, но она сразу шла включать плиту и делать ужин и ничего не спрашивала. В восемь тридцать возвращался усталый папа, забирал с Катиного стола дневник, даже не поев маминой еды, внимательно пролистывал его. После Кате часто нужно было пережидать плохое и долго повторять про себя: «Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится...» Ночью, когда с этим днём уже всё понятно и кончено, можно было лежать в свободной невесомости ещё восемь часов и краешком надежды думать себе, что завтра будет получше.

Глава вторая

«Размечталась», – это так говорила Вероника Евгеньевна, когда спрашивала: «А угадай, какую оценку я тебе поставлю за твой ответ?», а ей отвечали тоненько, по-третьекласснически – «три» или даже «четыре». Размечталась. Во-первых, когда Катю наутро разбудила мама, выяснилось, что коса вся развалилась, пряди спутались друг с другом в страшные колтыши и торчали в разные стороны. Мама на Катю очень обиделась, отругала её, набыстро расчесала (Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится) и с трудом заплела. Катя хныкала и повторяла, что это не она, а если она, то не специально, но мама только больше рассердилась на Катю враньё и убежала на электричку на две позже, чем ей было нужно. В школу Катя понесла на голове гнездо волосяных петухов и куриц, с трудом напялив шапку.

Перед выходом она помяла мысль не ходить на уроки – чувствовалось животом, что ничего хорошего не произойдёт. Ещё подумалось, что если дотерпеть и вырасти, то свободная жизнь наступит сама по себе. Но это когда будет... А пока каждый день Катя, взгромоздив на спину рюкзак, шла в школу – так было нужно.

Поначалу всё дрыгалось неплохо. Весь класс делал зарядку для рук, глаз и шеи. Потом мастерили примеры по математике, классная выпускала изо рта клубы чисел и царапала доску примерами. Ученики писали в тетрадках от руки – Вероника Евгеньевна ненавидела компьютеры и считала, что они вытаскивают детские души. Катя слышала вместо учительских объяснений в голове гул, который снова разгулялся от волнения. Лара косилась на её гнездо с петухами. Лара была лучшая и единственная Катина подруга. Они подружились не по привязанности, а по случаю – Лару по ошибке завели не в тот класс, а потом привели куда надо и только рядом с Катей был свободный стул. Лара заняла его и Катю давно готовящееся место для дружбы. Они остались вместе за одной партой. Лара дружила ещё со многими невыросшими из класса и разных-преразных кружков, в которых она вращалась. Катя злилась, но как тут быть. Она понимала, что Ларина дружба дотягивает её иногда до нормальных невыросших.

Дружили они даже весело, особенно вначале – искали странные вещи на улицах (один раз нашли бумажный пакет с аккуратно сложеннымидохлыми крысытами), смотрели кино и мультики (у Лары дома), ели шоколадки и печенье (у Лары дома), прыгали под музыку рекламных роликов (у Лары дома). Лара всё придумывала, Катя никогда не противилась. В последний год Лара начала подзабывать Катю, исчезая маленькими частями. Иногда не отзывалась на переменах, не отвечала на сообщения, сокращала свои приглашения гулять или идти к ней домой. Катя мучилась, но что было делать.

Вероника Евгеньевна навалилась блузочной грудью на журнал и вонзила в него перевёрнутый карандаш. В Катю голову забился страшный молот. Она слышала ноль из сегодняшней математики. Знала, если вызовут – её просто раздавит доской. Карандаш ехал по списку, наконец остановился, и Катя разглядела, что он слишком высоко для её фамилии и слишком низко для Лариной. Вероника Евгеньевна вызвала отличника Носова на показательное решение примера. Протерла доску и стала диктовать цифры, он спокойно записывал. Дальше Носов без остановки и волнения принялся, как обычно, украшать решением класс. Учительница, прищурившись, встречала довольным кивком каждую математическую строку. В дверь постучались, заглянула красивая улыбающаяся выросшая. Классная расплылась и забыла даже про Носова.

– Вероника Евгеньевна, а можно Лару на две минуты? – это спросила красавица.

– Конечно, Алина Алексеевна, – это промёдила классная.

Лара вышла из-за парты своим буднично-принцессовым шагом. Все невыросшие и даже Вероника Евгеньевна внутри себя превратились в мерзких и никчёмных моллюсков. Все глаза на шарнирчиках отслеживали Ларин путь. Даже Носов не шкрябал доску. Дверь закрылась, и

моллюски остались с моллюсками. Алина Алексеевна учила старших учеников химии и была Лариной мамой. Их папа работал в гулливерском городе, как и Катины родители, но кем-то очень удачным, из-за этого Лару каждое лето отправляли в другие страны разговаривать на разных языках. Катина мама считала, что Лара получала свои четвёрки и пятёрки нечестно, а от учительствования Алины Алексеевны. Катя молча считала по-другому, она видела, как несложно и уверенно Лара одолевала любые сложные задания.

И Кате нравилась Алина Алексеевна. Та радостно улыбалась, красиво одевалась, вкусно готовила, говорила со всеми невыросшими, даже с Катей, как с выросшими и равными ей людьми. Ларин папа, похожий на доброго коричневого лиса, делал то же самое, просто реже – он всегда работал. Лара общалась с родителями так, будто она с ними – компания выросших друзей, которые собрались вместе общаться. Лара всегда говорила своей семье, что хотела. Однажды Катя решила попрактиковать такое поведение у себя дома, но папа очень рассердился и посоветовал разговаривать так только с невыросшими.

Больше всего Катю восхищало то, что Алина Алексеевна иногда разрешала Ларе пропускать школу, когда той хотелось. И ничего у Лары не болело в эти свободные дни (Катя переперспрашивала), она просто просыпалась утром и решала, что не пойдёт. И Алина Алексеевна легко соглашалась.

Лара вернулась с ключами от их ласковой квартиры в старом кирпичном доме. Математика прошла мимо Кати на своих многочисленных ножках-столбиках, не задев её. На перемене всё тянулось хорошо, Лара рассказывала про их с родителями планы отправиться в путешествие по заграничным Гулливериям. Дима Сомов – вечный Катин вредитель и любимый человек класса – прошёл мимо и выплюнул Кате страшное и обидное слово. Катя растерялась и поглядела по сторонам. Лара рассказывала про поездку в театр в местную Гулливерию Вике Ивановой через две парты вперёд. Катя погналась за Сомовым, он, хохоча, поскакал от неё через парты. Лара рассказывала Вике Ивановой про пирог, который они испекли с мамой. Когда Катя почти достала рукой шею Сомова, её позвала Вероника Евгеньевна и сказала, что с такой причёской в школе появляться неприлично. Катя помолчала.

Дальше начался урок ОБЖ, который Вероника Евгеньевна всегда ставила после трудной математики. На ОБЖ классная рассказывала истории про разные страшные вещи в мире, которых стоило опасаться. Сначала она прочла про солдата, которого побили до кровавого полена, и посоветовала мальчикам лучше учиться, чтобы не попасть в армию. Дети слушали с компотом из страха и интереса. Катя, как всегда, с изумлением. Потом Вероника Евгеньевна рассказала про нездоровых выросших, которые делают с невыросшими плохие и неприличные вещи. Она зачитала воспоминания невыросших, встретившихся с такими выросшими. После этого Катя решила, что она правильно делает, что редко ходит гулять. В финале урока Вероника Евгеньевна рассказывала обычно развлекательную историю – про далёкие опасности, не угрожающие их классу. На этот раз она выбрала случай про человека, который заснул пьяный на улице. Ночью приполз удав и съел его. На следующее утро жители города обнаружили на асфальте человеческую фигуру в пятнистом, плотно закрытом пакете из удава. Многие дети смеялись, в том числе Дима Сомов. Лара кривилась, а Катя радовалась, что она живёт далеко от стран со змеями.

Следующая перемена была хорошей. Включили вальс, которым Вероника Евгеньевна спасала детей от современной неприличной культуры. Катя тоже им спасалась, потому что всё, что приносило радость, спасало. Лара прокружилась с Катей целых два танца, а Катя всего три раза наступила ей на ногу и всего два – потеряла ритм. В такие моменты Лара величественно кривила губы. Кате трудно было сосредоточиться, потому что внутри своей головы она делала «раз-два-три» и переживала счастье.

– Не сутулься – это некрасиво и неженственно, – сказала Лара.

Она точно знала, потому что помимо школы занималась балльными танцами. Спина послушно выпрямила Катю. Третий танец Лара вращалась с Викой Ивановой, но Катя не волновалась, Лара – не Лара, если танцует с кем-то одним. Да и пересчастливилось уже в это Катино утро, а ещё день впереди.

Хорошее и правда истошалось. Катя расслабленно расплылась на парте рядом с всегда прямосидящей Ларой. Литература – безопасная ерунда, одно чтение и почитание авторов. Но тут Вероника Евгеньевна неожиданно налегла на журнал, обыскала его взглядом и вызвала Катю. Сердце принялось рваться из скелета, в голове застучало. Ноги неумело доставили Катю к доске. Мел неуклюже лёг в руку, учительница принялась диктовать: «Последняя туча рассеянной бури, одна ты несёшься по ясной лазури». Катя принялась выводить недоразвитые буквы. Когда она перешла на «одна ты несёшься» – раздался смешок и ещё какие-то гикики. На «одна ты наводишь унылую тень...» весь список третьего «Д», не считая не пришедшего из-за ангины Архипова, принялся смеяться. Лара аккуратно хохотала выверенным смехом. Даже молчаливый гений Носов грохотал неожиданным басом. Вероника Евгеньевна сдерживала смех, заговорщически прикладывала палец ко рту и подмигивала всему классу. Она прискакала, отчего её глазки совершенно утонули за блестящими щеками.

Даже если какой-нибудь одиночный человек просто хихикал рядом по своему поводу, а не над Катей, у неё отключалось понимание. Это случалось так: звуки становились тягучими, мир и существа в нём расплывались, смыслы слов и человеческих движений погибали. Катя выбивалась из навязанной реальности. А тут – тут целый хор, дирижируемый Вероникой Евгеньевной, хохотал над ней по неразъяснённой причине. Катя один раз повернулась на класс и два раза посмотрела на классную, но больше не стала. Текст на доске расслоился и летал перед доской ошмётками. Усилиям, равным стараниям пяти десятилетних невыросших, Катя вернула текст обратно, всмотрелась и стёрла «с» в «рассеянной». Вероника Евгеньевна артистично шмякнулась головой об стол, класс понял команду и взорвался новым дружным хохотом. Катя художником отошла от доски-мольберта, наклонила голову, быстро вернулась обратно и написала в «несёшься», после «ш», где ничего прежде не было, – твёрдый знак. Учительница упала спиной на стул и принялась ловить дырой рта воздух. Невыросшие бились от смеха, как от электричества. Дирижёрским движением классная заставила всех замолчать, и, хоть не у всех получилось, она продолжила диктовать стихотворение. Катя принялась каркать дальше. Но как только она начала фразу «одна ты печалишь ликующий день», Вероника Евгеньевна затряслась на стуле и забарабанила ладонью по столу. Класс тут же провалился в приступ благословенной астмы – все беззвучно тряслись, ловя улыбками воздух. Катя с забоченными глазами закончила строчку. Классная вытерла свои маленькие слёзки. Потом вдруг вскочила и подбежала к Кате. Та отступила плотно к доске, впитывая спиной мел. Вероника Евгеньевна вдруг по-курячьи раскорячилась и вытянула короткую шею.

– Петухи-петухи! – это закудаhtала учительница.

Дети умирали от хохота, Катя – от ужаса.

– Петухи-петухи! – всё не унималась классная.

Потом резко заглохла, выпрямилась, словно её выключили.

– Садись, не могу больше, – проговорила она и махнула на Катю короткой толстой рукой.

Катины глаза будто лопнули, а мочки залезли в ушные дыры. Невыросшие превратились в мявкающих монстров. Учительница – в монстра покрупнее. Катя добралась по памяти до своей предпоследней парты.

Чудовище Вероники Евгеньевны выхрипнуло знакомое Кате словосочетание. Монстр рядом с Катей приподнялся и пополз к доске. Учительнице-завр снова начал рычать в рифму. Монстр принялся записывать, знакомо поводя правым плечом и придерживая левой рукой юбку. «Это же Лара у доски», – осознала Катя. А ещё то, что тот же страшный стих про тучу

диктуется и записывается. Существа вокруг подзатихли – устали, но поглядывали в сторону Кати с радостным свирепством. Вдруг чудовище вскочило с учительского места и стремительно приблизилось к Кате, не прекращая диктовать. Катя вжала шею в плечи и догадалась, что сейчас произойдёт что-то совершенно ужасное. Оно и произошло: диктатор схватил своими щупальцами Катин дневник и был таков.

Когда монстр Лары у доски положил мел, учительницезавр проговорил что-то и протянул плоский предмет. Монстр Лары приполз обратно и сунул этот предмет Кате в ладони. Классная прошипела, обращаясь прямо к Кате и тыча щупальцем на доску. Катя вглядывалась в деревьях, но видела только бьющиеся в эпилепсии строчки. В руках лежал дневник.

Очнулась Катя на перемене. Вдвоём с Ларой они стояли у окна. Лара облакачивалась на подоконник ровно настолько, чтобы её не обвинили в том, что она села на него. Она опустила лицо в телефон и трогала экран аккуратно подстриженными пальцами.

– Ты что, не могла мне как-то подсказать?! – это, тихо крича, спросила Катя.

– А как я тебе подскажу? Как ты это себе представляешь? – это спокойно ответила Лара, приподняв подбородок от телефона.

– Могла хотя бы не смеяться! – совсем закричала Катя.

– Хочу – смеюсь, моё дело. Потом, все знают, даже в детском садике, что стихи пишутся в столбик. А что ты не знаешь, это твои проблемы, – Лара снова уткнулась в экран.

У окна ниоткуда возник Сомов.

– Ну что, дебилка?! Облажалась? Жалко, не сфоткали доску, выложили бы, про тебя бы весь мир узнал! – это Сомов говорил с Катей.

Телефоны на уроках Вероника Евгеньевна забирала себе, прося дежурного пройти по партам и собрать их. Это была часть её программы по спасению детей. Невыдача телефона каралась двойкой по тому предмету, на котором с ним был застигнут его владелец. На переменах невыросшие разбирали родные гаджеты обратно. Фотографировать, переписываться, звонить во время занятий никто не мог. Но перемен хватало, и всё происходящее в школе проваливалось в соцсети и перемалывалось там.

Сомов ушёл так, будто закончил встречу с подчинёнными. Лара подняла голову от экрана и засмеялась.

– Совсем идиотка, да? – это закричала Катя.

И ударила Лару по рукам с телефоном. Тот рухнул на пол перед ботинками хозяйки. Катя застыла. Лара медленно и осторожно подобрала гладкий гаджет. Девочки, дрожа, всмотрелись в стеклянную темноту. По ней прошёл тоненький белёсый заморозок разрушения. Лара аккуратно зажгла экран – нижнюю четверть сожрала чёрная клякса. Сердце Кати вдарило по ребру. Сейчас начнётся.

– Глупая корова! Долбаная тварь! Проклятая уродина! – действительно начала Лара.

Катя кроликом глядела на неё.

– Жалкая паскуда! Лохматая курица! – всё двигался и двигался аккуратный Ларин рот.

Ученики в рекреации принялись оборачиваться и останавливаться. Крохотная пуговица Светлана Григорьевна, вся состоящая из прямых углов Татьяна Романовна выглянули каждая из своего класса. Вероника Евгеньевна не слышала, потому что в её классе снова месил воздух вальс. Лилипут-первоклассник подошёл к Ларе, встал у её подножия и принялся слушать огромными жадными глазами.

В толпе вдруг появилась Алина Алексеевна и быстро подошла к Ларе. Та внезапно замолчала, обмякла, состарилась лицом и захныкала. В рекреации нарисовался Сомов, по-хозяйски оглядел потухшую перемену и спросил: «Почему не играем?»

– Пойдём-пойдём, – не убирая из своего лица постоянную радость, спокойно проговорила Алина Алексеевна, забрала у дочери разбитый телефон и спрятала его в сумку.

Ларина мама ласково повела её за плечи сквозь толпу.

По дороге домой за Катей стервятниками шли Сомов и его команда подсомовцев. Сомов ещё в самом начале пути подошёл к ней, посмотрел в глаза и сказал: «Ну что, debilка?!» Они кружили, кудахтали и швыряли Кате снежки под капюшон...

– Петухи-петухи!

В живот.

– Петухи-петухи!

В голову.

– Петухи-петухи!

В глаза.

Все, кроме Сомова, кидали часто и на расстоянии. А он реже, но зато подходил совсем близко, смотрел в глаза и спрашивал: «Ну что, debilка?!» На подходе к многоэтажкам стервятникам стало скучно и они исчезли. Во дворе две девочки и один мальчик лепили крупного снеговика. Катя зашла в квартиру, сняла горячую от мокрости одежду, вытащила снег из глаз, пожужжала над спутанными волосами феном и написала маме сообщение: «Я дома».

Глава третья

Половинку дня Катя не могла найти себе места, передвигалась по квартире и ждала вечера. Хныкала, тёрла по щекам горячую воду, потом стало противно от слёз и скучно плакать. Бралась за домашку, но все столбики шатались и разваливались, не желая складываться, вычитаться и тем более делиться. Катя поглощала холодные макароны, отрывала их слипшиеся тельца друг от друга и заедала сыром. Делала взглядом шажочки вместе с часовой стрелкой. Укладывалась спать, но зимнее солнце нагло лезло в глаза. Включала телевизор, но не могла понять, что там творится. Сидела на мягком подлокотнике кресла в родительской комнате и сучила ногами один час двадцать три минуты, пока у неё не закрипели колени.

Катя хотела подтолкнуть время, чтобы оно быстрее катилось до вечера, чтобы перестать чувствовать ужас надвигающегося. Она давно заметила, что ожидание плохого ещё мучительней и растянутей, чем само плохое. А предвкушение хорошего – радостней и длиннее, чем само хорошее.

Было понятно, что сегодня страшен был не кол, занозой засевший в Катином дневнике рядом с кровавым объяснением, что она «до сих пор не знает, что стихи записываются в столбик», а Ларин покалеченный телефон. Катя клянчила такой когда-то у мамы, и та честно ответила, что он стоит полторы или две папиных зарплаты.

– Ты сама хоть что-то заработала в жизни?! – это Катя уже слушала папу у себя в голове.

Не заработала, потому что Катя – невыросшая и не каталась на электричке каждое утро в гулливерский город. Катя не знала, как думать про работу. С одной стороны, работа казалась хорошей. Когда Катя что-то просила маму – например, велосипед, – папа отвечал, что Катя сама на него заработает, когда вырастет. Это означало, что на работе давали деньги, на которые можно было и велосипед, телевизор, тёплые зимние сапоги, свой компьютер, даже квартиру. Особенно Кате нравилось, что работа отвлекала от работающего других людей. Говоришь «я на работе», и никто не заставит тебя жевать протёртые яблоки или делить в столбик. С другой стороны, работа воровала радость и силы. Катя видела, какими непригодными для жизни родители возвращались из гулливерского города.

Вероника Евгеньевна ещё в первом классе принялась на уроке расспрашивать невыросших по очереди, кем трудятся их родители. Дети отвечали бойко-гордо за папу, за маму. Только Катя сказала, что не знает. Невыросшие рассмеялись, а классная выдала, что, видимо, они у Кати шпионы. Хор вдарил смехом. Но Катя и правда не знала. Мама часто меняла работы, по мнению папы, от того, что у неё не хватало образования. Когда Катя спрашивала папу, кем он работает, папа отвечал, что говорить Кате бесполезно, потому что она всё равно не поймёт.

Самой Кате не представлялось, кем она хочет стать, когда вырастет. Когда любопытные выросшие пытали её вопросом, она лишь мычала и мялась. Тогда выросшие (Катя не понимала, почему они такие настойчивые) интересовались её хобби. Что она любит поделывать в свободное от школы время? Катя знала наизусть все Ларины хобби: читать книжки, ходить на балльные танцы, печь с мамой пироги, изучать английский, французский, немецкие языки, шить на себя и кукол. Малоознакомому выросшему Катя скармливала какое-нибудь Ларино несложное хобби, например, печь пироги. Если выросший хотел узнать подробности, Катя выдавала ему то, что сама наблюдала у Лары на кухне: как они с Алиной Алексеевной замешивают тесто (три яйца, стакан сахара, стакан муки, щепотка соды, растворённой лимоном, чайная ложка корицы) и подносят тазик с тестом к окну, чтобы оно напиталось солнечными лучами и пирог стал ещё вкуснее. Выросший млел от такого, Катя давно замечала, что взрослые обожают фиго-тятину. Катина мама всегда была слишком усталой, чтобы печь. На выходных она убирала квартиру, гладила постиранную одежду, спала, а потом играла в компьютер и смотрела вместе с папой телевизор, потому что ничего другого не хотела уже делать.

Катю отдавали в кружки, но там ей вращаться не нравилось. Они занимали послешкольное время, в которое можно было отдыхать от людей. Катя однажды пыталась объяснить Ларе, что не может находиться в многочисленных пространствах: сразу сбегает силы, роняются мысли, а в голове больно стучит. Лара сказала, что Катя, наверное, не человек, потому что люди созданы для того, чтобы существовать вместе. Катя решила об этом не думать, а в кружках выкручивалась так: в английском, когда приходила её очередь читать текст, – молчала, на лёгкой атлетике, когда надо было разминаться или бежать, – стояла или медленно передвигала ноги, в музыкальную школу её и так не взяли – она не достала до ноты. После переговоров мамы с преподавателями папа сказал: «Не надо её никуда отдавать, она нас только позорит». С тех пор Катя навсегда вырвалась из кружков. Она догадывалась, что это пока единственная её победа.

Катя любила лепить, но в художественную школу проситься стеснялась, а пластилин в доме запретила ещё бабушка. Но без кружков у неё были свои любимые занятия. Она могла бы рассказать взрослому, что обожает:

1) лежать ночью на спине и смотреть, как на потолке, чуть освещённом коридорным светом, разводы от соседских заливов сливаются в города, горы, деревья, рыб, людей с головами животных, фигуры голых людей, изогнутые лестницы и сросшиеся сапоги;

2) стоять на кухне у окна, смотреть на облитый солнцем город и наблюдать, как время от времени из дыма заводской трубы высывается гигантская остроносая змея, сползает наполовину по кирпичной покато́й стене и хватается пастью мимоидущих людей и собак;

3) заходить в свой двор и поднимать голову на древний акведук, который образовывался на месте трансформаторной будки, автостоянки и всей детской площадки;

4) в дни без акведука, пересекая детскую площадку, останавливаться и давать дорогу ржавой лазалке, которая самоуверенно скачет мимо и фырчит;

5) выходить на пятом или шестом этаже, и карабкаться пешком по лестнице, убегая от кашляющей собаки с лысой человеческой головой, и всегда успевать захлопнуть металлическую дверь перед самым её носом.

Про все эти свои любимые дела Катя могла порассказывать взрослому, но разве всё это можно было выдать за хобби?

Катя опомнилась. За окном, оказывается, уже выключили свет. Ей вдруг ужасно захотелось, чтобы время, наоборот, потянулось и окончательный вечер совсем не наступил. Она знала, что остановить его невозможно, он летел на неё, уродливый, злой, зубастый и противно родной. В коридоре заковырялся ключ, потом дверь выдохнула и впустила маму. Катя осторожно вышла ей навстречу. Мама обычная послерабочая – уставшая, бледная, помятая в электричке телами других взрослых. Катя сразу поняла по маминому лицу, что про Ларин пострадавший телефон она ничего не знает. Может, Алина Алексеевна решила пождать до вечера и позвонить на домашний.

– Привет, ты чего на сообщения не отвечаешь? – это спросила мама.

– Телефон в другой комнате забыла, – это ответила Катя и отправилась его искать.

Мама сняла дублёнку, шарф и шапку в коридоре, помыла лицо и руки в ванной и, покачиваясь, пошла на кухню готовить. Катя поняла, что давно уже не видела и не слышала своего телефона. От этого стало даже радостно, потому что невыросшие в школе часто потешались над ней из-за этих пятнашек. Если телефон исчез, может быть, родители купят ей тогда новый и бесконпочный. Катя честно осмотрела все подозреваемые места: рюкзак, стол в её комнате, её кровать, кресло в родительской комнате... Отправилась на кухню.

– Катя, зачем ты это сделала? – тихим голосом спросила мама.

Катино сердце сжалось в кулак и принялось дубасить окружающие органы. Мама стояла к ней спиной перед открытым навесным шкафом.

– Я-а-а-а... – это протянула Катя.

Мама повернулась строгим лицом. Катя аккуратно вытянула шею, подошла к шкафу и увидела что-то удивительное. Стекланные мамины банки с крупами и прочими рассыпчатыми штуками будто помешались. В ёмкость с рисом была досыпана соль, в ёмкость с гречкой – сахар, в ёмкости с манкой желтел горох. На всех банках плотно сидели крышки, а на полке не валялось ни одной горошинки, рисинки, маночки и ничего такого другого.

– Это не я, – сразу и честно ответила Катя.

– А кто, Пушкин? – спросила мама с такой интонацией, которая означала, что у неё не осталось сил на то, чтобы ругаться.

Пушкина Катя ненавидела сегодня почти так же, как Сомова. Это Пушкин записал историю про тучу как на уроке математики – в столбик, – и поэтому Катя получила кол.

Мама вытащила все банки с полки и принялась медленно пересыпать их содержимое в изначальные ёмкости. Катя протянула руки, чтобы помочь. Мама не смотрела на неё. Сразу захотелось хныкать от обиды. Столько плохого плюс такая неправда. Катя точно помнила, что ела сегодня холодные макароны, но крупы не мешала. Она ушла в свою комнату. В глазах копились слёзы. Стены шатались от стоячей воды, а обойные цветы выпирали из стен и падали на пол. Катя замахнулась на один из них, чихнула и вдруг поняла, что у неё есть шанс сделать так, чтобы настоящий вечер наступил ещё позже.

– Мам, я пойду покатаюсь с горки! – это Катя, уже одетая в пуховик, заявила на пороге кухни.

– Телефон не забудь, – бесцветно ответила мама с мёртвыми рыбинами в руках.

– А он не заряжен! Я недолго! – И Катя выбежала во двор.

На улице Катя занялась растягиванием времени. Она каталась с горки не одна, а поочерёдно с другими тремя невыросшими людьми чуть её младше. Они перекидывались смешками и передавали из варежки в перчатку пластиковую доску для катания. Катя каталась на попе, подкладывая под неё пуховик. Железная горка росла высоко в черноту, съезжалось с неё долго и весело.

Свет горел на кухне, где мама делала ужин, окно родительской комнаты темнело, значит, папы ещё не было. Каждый день Катя клала дневник на стол в своей комнате. Так они условились, чтобы папа не тратил своё время на выколупывание его из рюкзака.

Ещё одна пачка невыросших людей играла без коньков в хоккей на замёрзшем асфальте. Они хохотали и перешвыривались плохими словами. Когда одно из таких шайбой долетало до горочных, девочка в синем дутом комбинезоне строго замирала. На безопасном расстоянии от хоккеистов, на затоптанном снеге, похожем на пломбир с шоколадной стружкой, стоял крупный снеговик и качал ветками-протезами. Двое выросших на противоположных сторонах двора гуляли с собаками: один с колли, другой с незаметной в снегу таксой.

У подножия горки появился выросший человек в джинсах и длинном чёрном пальто.

– Катенька! – это он произнёс в сторону горки.

Катя оглянулась, выпуская удивлённые столбы пара изо рта.

– Папа! – это радостно крикнула ему девочка в комбинезоне и скатилась с горки прямо к нему в руки.

Все горочные, кроме Кати, попрощались с Катенькой. Они остались кататься втроём. Катя, девочка в шапке с медвежьими ушами и шмыгающий носом мальчик. Каждый раз перед спуском, перед тем как толкнуться и полететь вниз, мальчик этот производил особенно значительный шмыг. У Кати замёрз низ, она хотела попросить у горочных пластиковую доску, но боялась. Колли сцепилась с бродячим псом. Их лай стучался о дома и, словно по стенкам колодца, карабкался в чёрное небо. Там отреагировали и включили снег.

– Ты идёшь или нет? – это спросила девочка с медвежьими ушами примёрзшую к лестнице Катю.

А мимо шёл папа, как обычно, очень быстро. Ноги его казались палками, которые он привычно втыкал в землю. Папа не заметил Катю и скрипнул подъездной дверью. Катя быстро забралась наверх. Холод отступил от неё, она забыла, что хотела попросить доску. Катя скатилась и зажёгся свет в комнате родителей.

Шмыгающего мальчика забрал седой выросший, девочка с ушами ушла сама. Катя осталась с горкой наедине. Свет вспыхнул в её комнате. Катя оттягивала наступление своего вечера и продолжала скатываться. Хоккеисты по одному исчезали с накатанной площадки и оттого делались всё тише. Катя скатывалась. Собак и их выросших людей тоже не было. Два хоккеиста перекидывали друг другу шайбу, а потом вдруг исчезли одним мигом. Катя осталась одна в тихом пустом дворе и продолжала скатываться. Снеговик смотрел на неё пустыми глазницами.

– Катя, Катя, иди домой! – это мама выглянула из подъездной двери в набросившейся на халат дублёнке.

Катя скатилась и похрустела к дому по новому снегу. Вместе с ней в подъезд зашли двое выросших. У лифта ждала мама с бумажками из почтового ящика. Мама не любила ящик, потому что там часто были квитанции и реклама. Вчетвером они зашли в кабину. Мама открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Молодые выросшие обнялись, очевидно, очень замёрзли, как и Катя. Она тоже хотела обнять маму, но передумала. Неясно было, позвонила Алина Алексеевна про Ларин телефон или нет. Парень из выросших жил с Катей и её родителями в одной лестничной клетке, поэтому они вчетвером добрались до самого верху.

– Раздевайся и иди кушать, а то остыло, – это сказала мама в коридоре.

Катя замёрзшими пальцами стянула пуховик. Из комнаты с телевизором появился папа, зацепил Катю за локоть и притащил в её комнату. На столе лежал позорный, раскрытый на новом коле дневник.

– Это что такое?! – это спросил папа, как будто он правда не понимал, что это.

– Пускай сначала поест, – это сказала мама в комнату, и папа, как обычно, не посмотрел на неё.

«Неужели не позвонила?» – радостно подумала Катя.

Дальше всё было как обычно. Катя сидела за столом, а папа вдалбливал, что стихи пишутся в столбик. Катя хотела попроситься в туалет, а потом передумала и написала восемь четверостиший под папину диктовку. В паре мест только сомневалась, прыгать на другую строчку или нет. Когда папа увидел её тетрадь, он затрясся и закричал, что никогда не видел столько ошибок на одной странице. Катя ответила, что задание ведь было на то, как начинать с правильной строчки.

– Ты что, умственно отсталая? – спросил папа.

Катя задумалась, что ему ответить. На крик пришла мама.

– Пусть поест.

Она принесла рыбу с рисом, протянула Кате. Папа ударил по тарелке ровно тем же движением, каким Катя ударила по Лариному телефону. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. Мама молча принесла совок и тряпку и убрала пол. Катя сбегала в туалет. Папа увидел в дневнике домашнее задание по математике. Захотел проверить его. Катя так много думала про Ларин телефон, что даже забыла про уроки. Папа принял решение, что они сделают математику вместе. Дальше он так громко разжёвывал математические столбики, что цифры, суммы, вычитания, деления, умножения слышали люди из соседних квартир и даже через две. От папиной громкости и собственной усталости в Катиных глазах и ушах все разжёванные примеры сливались в липкую кашу. Веки у невыросшей тоже липли друг к другу. Папины объяснения давно звучали для неё колыбельной. Катя по-воробыиному клонула носом. Папа стукнул

стол. Катя проснулась. Папа говорил про деление. Его слова на чуть-чуть сделались чёткими, но потом снова размякли и поплыли вдаль от Кати. Чем громче он кричал, тем дальше Катя пряталась в сон. Она ничего не могла с собой поделать и снова клюнула воздух. Папа бросил учебник на пол, сказал, что Катя его позорит, и ушёл досматривать телевизор.

Катя поела ещё одну подогретую мамой порцию еды и помылась, стоя под горячими водяными лучами. Мама вялым роботом быстро расчесала и заплела Катины мокрые волосы прямо в ванной. Катя так устала, что было совсем не больно.

– Мам, давай косынку, – это Катя вспомнила про запутывание.

– Ты же не любишь... – это устало удивилась мама.

– Вдруг простужусь мокрая.

– Ну хоть с волосами баловаться не будешь.

Мама сняла оставшийся от бабушки застиранный платок с крючка и набросила его на Катю. Та нагнула голову и самостоятельно обвязала хвосты платка два раза вокруг своей шеи. Мама обеспокоенными руками чуть ослабила узел. Бабушка не носила этот платок, но всегда ловила в него Катину голову после мытья. Фен бабушка считала электрическим губителем волос. Платок прибивал мокрые волосы к щекам и шее, пряди скользкими щупальцами душили всю ночь напролёт, поэтому Катя ненавидела так ходить или спать.

– Телефон... – это вспомнила мама.

Катя вздрогнула.

– ...нашла? – договорила мама.

Катя почти весело пожала пижамными плечами.

– Ты правда его потеряла?.. Мы папе пока не скажем. У него сейчас плохо на работе, – мама закрепила Катин крысиный хвостик.

Потолковые пятна от заливов водили хороводы. Мокрые щупальца волос душили, но Катя почти не замечала их. Она лежала в кровати и улыбалась оттого, что Алина Алексеевна так и не позвонила, и оттого, что эти день и вечер завершились и не придут больше.

Глава четвёртая

Тяжёлые шаги и громкие крики ковыряли Катины уши. Папа хлопнул железной дверью. В коридоре остались только лёгкие мамины шаги, они перешуршивались туда-сюда быстрее обычного. Катя открыла глаза и удивилась, что звуки из их квартиры, а потолок – из другой, потому что заливные пятна – чужие. Её должны быть такие: одно большое овальное прямо над головой, чуть левее – вытянутое горизонтальным орнаментом, правее – натёкшее худой изогнутой пирамидой. Очень удобные для лепки красивых городов, тел и зверей. А здесь были какие-то горошины, и всё. Катя подумала про другое и поднесла руку к своей голове, осторожно засунула ладонь под ослабший платок выше лба и отдёрнула руку, как ужаленная. Приподнялась на руках и увидала свои голые ступни на подушке. За ногами почему-то громоздились не стол-батарея-подоконник-окно, а высокий шкаф и полустеклянная дверь с ползущим через его слабую половину светом. Мир был перевёрнутый!

Нет, это Катя была перевёрнутая. По шуршанию шагов она поняла, что мама идёт к ней. Катя перекатилась головой на подушку, затащила хвосты платка, солдатиком вытянула руки вдоль тела. Мама зашла в комнату и включила свет.

– Ты не видела мой шарф? – это мама подошла к Катиной кровати и спросила.

Катя помотала головой.

– Да что ж такое. И телефона точно нигде нет?!

Катя снова помотала головой.

– Бермудская квартира. Давай я на Ларин телефон эсэмэс напишу. А ты мне ответишь.

– Не надо! – это закричала Катя, вскочила с кровати и шлёпнула на пол голые ноги.

Мама удивилась.

– Лара... она тоже телефон потеряла!

– Ничего себе, такие деньги! Разве можно такие дорогие вещи вам покупать... Давай снимем, а то ты как червяк, – это мама потянула руки к Катиной голове.

– Не! Я потом! – Катя снова рухнула на кровать и затащила невод одеяла до спрятанных ушей.

– Позвони мне тогда из учительской после первого урока. И как придёшь – с домашнего. И вставай, а то проспишь, – теперь мама поцеловала Катину щёку и быстро пошла одеваться.

Катя выбежала за ней в коридор. Ей до боли – с ног до головы – хотелось остаться дома. Она попыталась выдавить из своего горла то, что она хочет остаться до вечера в тёплой квартире, совсем без людей, Лары, Вероники Евгеньевны, Сомова, подсомовцев, всяких других выросших и невыросших, дорогого телефона, который можно разбить. Мама обвязалась старым папиным клетчатым шарфом поверх дублёнки, махнула Кате перчаткой и ушла мёрзнуть. И Катя поняла, что тоже должна идти.

Она сняла платок. В зеркале торчало штук десять толстеньких колтунов, которые сожрали все волосы, сделав их в два раза короче. Катя долго рычала и боролась с колтунами. Только четыре из них сдались расчёске. Невыросшая принесла ножницы, срезала двух пузатых, но тут увидела, что вместе с ними исчезают целые пряди, а в волосах образуются дыры. Катя кое-как заплела косу. На поиски телефона и даже завтрак времени не осталось. Она принялась кормить рюкзак учебниками, тетрадями, ручками, стукачом-дневником, заглянула в расписание уроков на стене и окаменела. Труды. Сегодня были труды. Неделю назад на трудах задавали довязать варежки, а у Кати выпало это из памяти. Катя катится-колошматится, Катя катится-колошматится. Её передернуло от ужаса.

В школу Катя летела по темноте вдоль длиннющего, как поезд, забора. Из-под закрытых ржавых ворот вдруг выскочила помятая грязная собака и кинулась за ней. Псина неслась и

лаяла, Катя бежала и плакала. Слезы бросались на снег и, кажется, замерзали до своего падения. Собаке стало скучно или она поймала носом новый важный запах – и отстала. А Катя добежала до самого светофора и решила, что если сейчас же не зажётся зелёный, то она повернётся домой и пойдёт туда по бессобачьей, в обход, дороге: не мимо забора, а мимо большого старого дома. Светофор открыл зелёный глаз только через две минуты. Ноги уже принялся грызть мороз. Но Катя не повернулась, а перешла дорогу по грязной зебре к реденькому парку и побежала сквозь него в школу.

Три минуты оставалось до звонка, а Катя вбежала в калитку. Двор уже был пустой, но за квадратной колонной она заметила курящих Сомова и Панкратова. Катя запрыгнула в класс, зацепив самый хвостик оглушающего звонка. Вероника Евгеньевна открыла рот, чтобы пнуть в неё замечание, но тут же замолчала, потому что в класс спокойно, по-выросшему степенно вошли Сомов и Панкратов.

Катя отдышалась и обнаружила рядом голый стул и пустую половину парты. Лара исчезла. Катя секунду надеялась, что она сегодня решила остаться дома и ей, как всегда, позволили, но впереди справа зажелтел знакомый затылок над назойливо прямой спиной. Лара пересела к Вике Ивановой за первую парту на место отличника Носова. Тот переместился к славному невыросшему Антонову, которого даже Катя считала совсем хорошим. Сопарточник Антонова болел уже четыре дня.

Обида стала надуться в Кате и проступать сквозь щёки. Телефон телефоном, но пересяживаться из-за него на другую парту – совсем нечестно. Кате захотелось плакать и немного драться.

Вероника Евгеньевна тем временем загадочно заулыбалась, забликовала круглыми щеками. Катя, да и все остальные готовы были поклясться, что это означает что-то опасное. Так и вышло. Учительница взяла в руки свою красную тетрадку, подкралась к доске и написала справа «Вариант 1», а потом слева «Вариант 2». Класс произвёл фейерверк вздохов. Началась контрольная по математике.

Катя так переживала по поводу Лариного ухода, что равнодушно восприняла эту новую муку. В заданиях выросли вчерашние столбики. Катя поняла, что столбики построились вокруг забором, чтобы не дать ей вырваться во что-нибудь хорошее. Она пыталась вспомнить папины объяснения, тужилась воссоздать балаканье Вероники Евгеньевны, пробовала сочинить ответ сама. Пять-плюс-пять-равно-десять-равно-десять, десять-переносим-в-следующий-ряд, десять-плюс-два-плюс-два... Она раскидала таким образом столбики сложения. Потом вычитания. Умножение принялось запихивать в ум космические цифры, но тут все столбики принялись рушиться и падать, потому что Катя увидела, как Лара принцессово поднялась и отнесла тетрадь с готовой контрольной учительнице. Та церемониально качнула головой, почти поклонилась. Отличник Носов доставил классной свою тетрадь ещё четырнадцать минут назад и теперь разбирал темы будущих уроков в учебнике. Носов делал так всю свою школьную жизнь, поэтому никто давно не обращал на это внимания.

Классные часы сообщали, что до конца урока оказалось восемь минут. Сердце затряслось, в затылке забил барабан. В столбняке Катя смотрела на останки цифр и математических знаков и пыталась понять, как всё построить заново. Это была новая катастрофа. Но постепенно Катю принялось поглаживать радостное чувство освобождения, всегда добавляющееся к чему-то плохому. Отчаяние откатилось, несколько примеров, которые она ещё не успела помучить, снова выросли в столбики и стали различимы в тетради. Сердце забило весело, голова прекратила катать внутри шаровую молнию. Катя заулыбалась. Вероника Евгеньевна, заметив это, забеспокоилась, специально подошла, заглянула Кате за плечо и успокоилась обратно – ни одного правильного ответа в сделанном она не рассмотрела.

А Катя распрямилась, взяла ручку и прямо набело решила несколько примеров на языке других столбиков, которому её тоже учили:

Одну тысячу девятьсот восемьдесят четыре
Поделить
На шестнадцать
Равняется – я одна в квартире.

Двести тридцать шесть
Умножить
На семьдесят три
Равняется – на часы не смотри.

Двадцать тысяч ноль ноль ноль
Плюс
Четыре тысячи двести девять —
Всё равно вечера не боюсь.

Девятьсот
Минус
Одиннадцать
Равно —
время убежало давно.

Катя отдала тетрадь собирающей контрольную дань Веронике Евгеньевне. Классная подошла к проигрывателю, сарделечными пальцами скормила диск и шмякнула на кнопку. Заиграл вальс. На площадку перед доской вышли топтаться несколько пар девочек. В том числе Лара с Викторией Ивановой. Кате было почти всё равно. Вероника Евгеньевна следила за танцующими и сытно кивала головой в такт. Катя вспомнила, что нужно позвонить маме, но это означало идти в учительскую сквозь толпу невыросших, разговаривать с выросшими и просить. Она решила на следующей перемене сходить позвонить и сходить в туалет или сходить в туалет, а потом позвонить. Вальс убаюкивал её, страшно невыспавшуюся. Катя обняла разрисованную поверхность парты и разместила на левом локте голову с колтунами и петухами. Те улеглись, сонно распределившись по хозяйкиному черепу. Катя закрыла глаза.

Она никогда не разрисовывала и не ковыряла парт. Этого ведь нельзя было делать. Впереди вальсировала доска с тучным стихотворением Пушкина, которое то выстраивалось в столбик, то ползло в строчку. Ещё в левом нижнем краюшке доски тихонько подёргивалось маленькое слово «варежки» и резало Кате её закрытые для сна глаза. Внезапно что-то мелкое больно ткнулось в плечо. Катя проснулась, приподняла голову и увидела обслюнявленный бумажный комок, валяющийся в проходе. Она нахмурилась, повертелась по сторонам и вдруг застыла, дальше полностью выпрямилась, будто и не засыпала никогда на этой перемене. Впереди, перед доской со всё ещё написанными на ней математическими столбиками, танцевали Лара и... Сомов. По бокам двигался ещё кто-то, но Катя их не различала. Все её внутренности, от головы до ступней, принялись медленно переворачиваться внутри кожи, скрипя, похрустывая и принося ужасную боль.

Сомов держал Лару в руках, как чашку горячего и вкусного какао. Он сбился с ритма, и Лара ласково рассмеялась. Колючая, мохнатая, невымытая злость впиалась в Катю своими тонкими и длинными зубками. За всю историю их дружбы Лара часто бросала Катю во время чего-нибудь Катиного плохого. Плохое никогда не касалось Лары. Она не защищала подругу от Сомова, классной, других невыросших и выросших. Вела себя так, будто это не её дело.

Но никогда ещё Лара не вела себя так подло. За всю историю их ненависти Сомов обзывал Катю, смеялся над ней, натравливал на неё класс и учителей, но никогда ещё не забирал у неё ей принадлежащего. А кроме Лары, у Кати ничего и не было. Она была уверена, что Сомов пригласил Лару не по собственному настроению, а специально, чтобы у Кати стали переворачиваться органы внутри кожи. И Лара специально танцевала, странно смотрела, похихикивала, чтобы у Кати переворачивались органы внутри кожи.

Лара улыбалась Сомову, так, будто ей одновременно приятно и стыдно. Сомов топтался хуже Вики Ивановой, даже хуже Кати: одним деревянным массивом, постоянно теряя ритм и наступая Ларе на ноги. Но Лара не кривилась в кислом недовольстве и не проговаривала приказов и инструкций, как обычно в таких случаях. Она нежно хихикала. Лара и Сомов принялись растворяться в воздухе. «Глаза отрываются от мозга», – это так подумала Катя, потому что помнила по картинке разобранного на органы человека, что глаза приделаны к мозгу специальными кровяными верёвочками. Дыхательная трубка (Катя забыла, как она называется) от поворачивания принялась хрустеть и рушиться. Катя полудохлой рыбой ловила воздух. «Нечестно так», – это подумала она уже повернувшимся примерно наполовину мозгом. Закололся живот – кишечник наматывался на другие органы.

Вдруг Катя снова ссутулила спину и облокотилась на парту. К ней пришло решение этой задачи. Стало понятно, как отомстить. Органы в секунду повернулись обратно и плотно встали на свои места. Зрение и дыхание возвратились, колики прекратились. На вальс навалился вой звонка. Вероника Евгеньевна выключила проигрыватель. Сомов проводил Лару до недалёкой первой парты за руку и плюхнулся на свою вторую в соседнем ряду.

Конечно, Сомова хотелось убить. Но Катя знала, что у неё вряд ли получится, потому что он хоть и невысокий, но ужасно сильный. И подсомовцы тоже. Потом людей, особенно невыросших, убивать плохо. Даже если они этого заслуживают. Так все считали: и Бог, и выросшие. Поэтому убивающих сажали в тюрьму. Катя тюрем боялась, но она слышала, что в самых хороших из них есть отдельные комнаты, в которых хоть пятьдесят лет можно сидеть совсем одной, без людей, со своим телевизором и, может, даже компьютером. Это хорошо. Конечно, она будет скучать в тюрьме по маме, но та сможет навещать её. Но ведь неизвестно, что Кате достанется именно отдельная комната, вдруг придётся задыхаться в маленьком грязном помещении с другими убившими. Их там целый класс – человек тридцать. И у них так мало места, что они спят, сидя в два ряда – снизу и сверху – на двухэтажных кроватях. То есть тюрьма – это как школа, только без уроков, а просто с сидением. С очень долгим уроком без возможности уйти домой. А туалет в таких тюрьмах, наверное, ещё хуже, чем в школе. Сомова убивать нельзя.

«Окружающий мир» Катю совершенно не интересовал. Она вся извелась на уроке от нетерпения. А всего лишь сразу после звонка нужно просто подбежать к классной и выговорить ей одну фразу. Кате казался таким правильным и полезным тот способ мести, который она придумала. Дождаться не могла, когда они перепрыгнут все эти глупые горы и холмы, картинки которых так скучно и подробно показывала классная. Эти поросшие нерасчёсанными деревьями груды земли и камней ни в какое сравнение не шли с Катиными горными долинами из заливных пятен. Она старалась не смотреть на прямую спину Лары и раскидавшуюся по парте фигуру Сомова. Оба они слишком старательно слушали про горы.

«Подскочу, дальше по ряду (хорошо, Кузнецов быстрый – сразу убегает на перемену), потом можно столкнуться с Ульяновой и... и она толстая, медленно собирает рюкзак стоя и всё... Дежурный вечно сам приносит ей телефон...» – это Катя продумывала план броска до учительского стола. Вдруг она вспомнила, что сидит одна за партой: «Задвину Ларкин стул под парту до спинки, пройду в другой проход, побегу. Там Шершнев – ускачет в столовую, Антонова можно попросить подвинуться, Васильева останется болтать с Ртищевой, а Вика Иванова... ну, она скелет...»

Катя так отчаянно ждала звонка, что он принялся мерещиться ей в бумажном шуршании, кашле, смешке, даже в хриловатом голосе Вероники Евгеньевны. За окном на небо высоко забросили тугой персиковый мяч зимнего солнца. Оно принялось пинаться своими плотными лучами прямо сквозь пыльные окна. Катя зажмурила глаза, в затылке снова зачесалась боль, в ушах солёно засвистело. Тут что-то произошло, все почему-то повскакивали со своих мест, классная, наоборот, втиснулась между стулом и своим столом и принялась складывать горные распечатки в папку сарделечными пальцами. Катя помотала головой, будто отряхиваясь, солёный свист выключился. Застала хвостик звонка. Пока она осознавала пришествие перемены и вставала на ноги, Веронику Евгеньевну заняла Вика Иванова. Катя давно удивлялась, как другие невыросшие могли хотеть разговаривать с классной сверх того, что требовалось на уроках.

Дежурный раздавал одноклассникам телефоны, даже Лара забрала какой-то, но какой, Катя не рассмотрела. Иванова приплясывала над Вероникой Евгеньевной, рассказывая ей что-то радостное, интересное и долгое, связанное с окружающим миром. Катя почувствовала, что сейчас прольётся. Иванова важно открыла папку, как выросшая, и показала её учительнице – та улыбнулась, смяв свои круглые щёки. Катя выбежала из класса. В туалет влетела, как обычно, не дыша носом. Запах принялся выкорчёвывать глаза. Зашла в кабинку, в унитазе огромной коричневой жабой сидела какашка. Катя выскочила оттуда, дёрнула дверцу другой кабинки. Бывше-белая, покрытая обзывательствами про девочек и любовными признаниями про мальчиков деревяшка резко поддалась, двинулась прямо на Катю и чуть не заехала ей по лбу. Из кабинки выступила Лара и тут же сделала очень важное лицо, говорящее, что в туалете, кроме неё, нет никого. Принцесса удалилась, Катя зашла. Тут ещё пахло Ларой, но не плохим, а её личным запахом. И после Лары было чисто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.